Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

№ 79.

Ст. Слетовъ.

СТО ЛѢТЪ БОРЬБЫ

ЗА НАРОДНОЕ ДѢЛО.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917 г.

Сто лѣтъ борьбы за народное дѣло.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1812 году, русскій народъ переживалъ тяжелое испытаніе. Россія подверглась нашествію непріятеля. Серце ея — Москва — была захвачена врагомъ. Мы знаемъ, какъ русскій народъ вышелъ изъ этого испытанія. Народъ возсталъ и самъ своими средствами выгналъ враговъ изъ Россіи. Внѣшній врагъ былъ побѣжденъ, но народъ-побѣдитель оставался во власти другого злѣйшаго врага—врага внутренняго. Русскій крестьянинъ былъ рабомъ —рабомъ помѣщичьимъ или казеннымъ.

Противъ этого рабства русскаго народа возмущались лучшіе русскіе люди, но долгое время ихъ возмущеніе могло выражаться лишь въ словахъ и писаніяхъ. Слишкомъ мало было такихъ людей, слишкомъ слабы были ихъ силы. Да и за эту словесную или печатную проповѣдь царское правительство подвергало жестокимъ наказаніямъ.

Такими смѣлыми проповѣдниками народнаго освобожденія еще въ царствованіе царицы Екатерины 2-й были Николай Ивановичъ Новиковъ и Александръ Николаевичъ Радищевъ. Оба они поплатились за свою проповѣдь долгими годами заточенія Въ своей книгѣ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» Радищевъ говорилъ между прочимъ:

«Назовемъ-ли счастливою страну, гдѣ сотня гордыхъ дворянъ утопаетъ въ роскоши, а тысячи гражданъ не имѣютъ достаточно пропитанія? Кто носитъ между нами оковы, кто ощущаетъ тяжесть неволи? — Земледѣлецъ, кормилецъ нашъ, тотъ, кто даетъ намъ здравіе, кто продолжаетъ нашу жизнь. —Кто-же имѣетъ ближайшее право на землю, буде не дѣлатель ея? У насъ-же онъ не токмо отъ того исключенъ совершенно, но, работая ниву чужую, зависитъ въ своемъ пропитаніи отъ власти другого человѣка. Крестьянинъ въ законѣ мертвъ.—О еслибы рабы, тяжкими узами отягченные, въ отчаяніи своемъ разбили своими цѣпями головы безчеловѣчныхъ господъ своихъ и обагрили ихъ кровью нивы! Чтобы тѣмъ потеряло государство? — Еслибы хоть немного имѣли они

твердости, то уничтожили-бы удручительные помыслы тирановъ своихъ. — Звѣри алчные, піявицы ненасытныя! Что крестьянину вы оставляете? То, чего отнять не можете: воздухъ. Да, — одинъ воздухъ, отъемля у него нерѣдко не только даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отнять у крестьянина жизнь, но развѣ только мгновенно: а сколько способовъ отнять ее у него постепенно! —Крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы. Нѣтъ, нѣтъ! онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ!»

Мы видимъ изъ этихъ словъ, что и первые печальники горя народнаго думали, что избавленіе народа отъ бѣдъ и угнетенія зависитъ отъ него самого: „Онъ живъ будетъ, если того восхочетъ!"

Но время шло, а народъ продолжалъ стонать подъ господскимъ игомъ, возставая только по мѣстамъ, съ небольшими силами, которыя нетрудно было уничтожить царскому правительству.

Когда народъ выгналъ французовъ изъ Россіи, господскій гнетъ не только не облегчился, но еще и усилился. Между тѣмъ, изгнавъ врага, русскія войска побывали заграницей и повидали, какъ живетъ народъ въ свободныхъ странахъ. Среди русскаго офицерства оказалось много молодыхъ людей съ еще незачерствѣвшимъ честнымъ сердцемъ, много думавшихъ и читавшихъ, знавшихъ проповѣдь Радищева, а также и заграничныхъ народолюбцевъ. Побывавъ въ свободныхъ странахъ, имъ еще тяжелѣе стало смотрѣть на страданія народа-побѣдителя. Вскорѣ послѣ возвращенія въ Россію среди офицеровъ образовалось тайное общество съ цѣлью: ограничить самодержавіе и освободить крестьянъ. Для членовъ этого общества было ясно, что, не ограничивъ царскою власть, не получивъ въ свои руки, хотя бы и частью, правительственной силы, нечего и думать о томъ, чтобы сломить упорство помѣщиковъ. Поэтому они намѣревались при помощи преданныхъ имъ полковъ захватить въ свои руки правительственную власть и заставить царя отказаться отъ самодержавія, а потомъ созвать Земскій Соборъ. Этотъ соборъ и установилъ бы новые порядки въ Россіи.

Наиболѣе вліятельный и умный изъ этихъ заговорщиковъ, полковникъ Павелъ Ивановичъ Пестель, такъ представлялъ себѣ новое крестьянское устройство: новые законы должны были даровать крестьянамъ «лучшее положеніе противу прежняго, а не мнимую свободу», чтобы «положеніе крестьянъ» елико возможно было улучшено и на твердыхъ началахъ и правилахъ положительнымъ образомъ обосновано». Новое земельное устройство Пестель представлялъ себѣ такимъ обра-

зомъ: «Главнѣйшее основаніе предполагаемаго для Россіи гражданскаго бытія состоитъ въ образованіи волостей и въ распредѣленіи всѣхъ россіянъ по волостямъ». Всю землю, по мысли Пестеля, предполагалось раздѣлить на двѣ части: одну —оставить въ собственности частныхъ владѣльцевъ, а другую «отдать подъ названіемъ общественной земли въ собственность волостному обществу». «Общественную землю не должно волостное общество имѣть права ни продавать, ни закладывать, ибо она есть собственность неприкосновенная». «Земля общественная назначается для доставленія *необходимаго* всѣмъ гражданамъ, безъ всякаго изъятія, и будетъ подлежать обладанію всѣхъ и каждаго». Тогда каждый «будетъ совершенно въ необходимомъ обезпеченъ и увѣренъ, что въ своей волости всегда клочекъ земли найти можетъ, который ему пропитаніе доставитъ».

Пестель, какъ и другіе декабристы, понималъ, что освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ землею не обойдется безъ крутыхъ мѣръ по отношенію къ помѣщикамъ, «закоснѣвшимъ въ своихъ враждебныхъ противу массъ народныхъ предразсудкахъ и мыслящихъ, что вся Россія для нихъ однихъ существуетъ».—«Противу нихъ надлежитъ принять мѣры рѣшительныя, дабы въ полной мѣрѣ укротить свирѣпый ихъ нравъ и поставить въ невозможность отечеству вредить, хотя бы къ тому и нужны были дѣйствія скорой и непреклонной строгости». Пестель отлично понималъ, что одна перемѣна въ образѣ государственнаго правленія еще не даетъ народу ничего и потому предостерегалъ своихъ товарищей: «Вы провозгласите республику, но это будетъ лишь перемѣна въ названіи. Главнымъ образомъ надо рѣшить вопросъ поземельной собственности. Необходимо отдать землю крестьянамъ, —и только тогда цѣль революціи будетъ достигнута».

Извѣстно, какая участь постигла Пестеля и его друзей. Заговоръ ихъ былъ выданъ царю іудами изъ среды заговорщиковъ и они вынуждены были возстать съ оружіемъ въ рукахъ раньше, чѣмъ хотѣли. Воспользовавшись замѣшательствомъ при воцареніи Николая Перваго, они 14 декабря 1825 года подняли возстаніе среди гвардейскихъ полковъ въ Петербургѣ. Николай при помощи безсознательной части гвардіи, особенно артиллеріи, подавилъ это возстаніе и жестоко расправился съ *декабристами*, какъ потомъ стали называть участниковъ возстанія 14 декабря. Пять изъ нихъ, въ томъ числѣ и Пестель, были повѣшены, сотни сосланы въ Сибирь на каторгу. Такъ кончилось первое выступленіе борцовъ за народное дѣло въ Россіи. Народъ, за который они умирали, еще не проснулся, еще «не восхотѣлъ быть живымъ въ законѣ».

Но кровь не проливается даромъ. «Пушечные выстрѣлы на Исакіевской площади (14 декабря 1825 года) разбудили цѣлое поколѣніе» — такъ отзывался о дѣлѣ декабристовъ одинъ изъ разбуженныхъ ихъ гибелью, *Александръ Ивановичъ Герценъ*. Правда, отъ этихъ выстрѣловъ проснулся еще не самъ угнетенный народъ, а лишь новые и новые борцы на его освобожденіе, но число ихъ становилось все больше и голосъ ихъ все громче. Однимъ изъ первыхъ такихъ борцовъ и былъ самъ Герценъ и его друзья. Имъ не было суждено пролить свою кровь за народъ, они могли работать надъ его освобожденіемъ лишь своими словами и писаніемъ. Герцену пришлось довольно рано уѣхать отъ преслѣдованій Николая 1-го заграницу. Но и отсюда онъ сумѣлъ быть опаснымъ врагомъ для царя и неутомимымъ борцомъ за дѣло народное. Онъ печаталъ въ Лондонѣ рядъ книгъ и журналовъ, въ томъ числѣ и свой знаменитый журналъ «Колоколъ», будившій совѣсть въ честныхъ людяхъ и обличавшій народныхъ угнетателей. Наблюдая за заграничной жизнью и знакомясь съ ученіемъ тамошнихъ народолюбцевъ, Герценъ, какъ и Пестель, рано убѣдился, что измѣненіе одного только образа правленія даетъ народу слишкомъ мало: «Все несчастье прошлыхъ переворотовъ состсяло именно въ упущеніи экономической (хозяйственной) стороны. Тутъ одна изъ причинъ, почему великія слова и идеи (мысли) остались словами и идеями». Поэтому Герценъ принялъ ученіе соціализма, согласно которому надо стремиться къ измѣненію не только образа правленія, но и способовъ владѣнія и распоряженія собственностью. Онъ сталъ противникомъ единоличной собственности и сторонникомъ общественной. *Соціализмъ*, какъ ученіе о хозяйственномъ (экономическомъ) переворотѣ для замѣны личной собственности общественной, выработалось заграницей, въ Западной Европѣ среди главнымъ образомъ городскаго люда. Въ іюнѣ 1848 года рабочіе Парижа пробовали силою добиться такого переворота, но были разбиты уже республиканскими войсками. Герценъ самъ былъ свидѣтелемъ пораженія возставшаго народа. Но это пораженіе не разрушило его вѣры въ соціализмъ. «Народъ долго не поднимается послѣ такого возстанія и такого пораженія. — Ему надобенъ отдыхъ» ... Но «войну, начатую іюньскими днями, остановить невозможно. Вся Европа вовлечена въ нес. Трудно перероди́ться ветхому Адаму, соціализмъ слишкомъ широкъ для изношенныхъ людей и слишкомъ несовмѣстимъ съ обветшалыми формами, въ которыхъ держится старая жизнь Западной Европы». И вотъ опору для своей вѣры въ соціализмъ, Герценъ видѣлъ въ

русскомъ народѣ; въ русскомъ крестьянскомъ мірѣ онъ указывалъ на три начала, начала «стародавнія, но только теперь приходящія къ сознанію и встрѣчающіяся съ западнымъ стремленіемъ къ экономическому перевороту (т. е. соціализму)». Эти три начала, по мнѣнію Герцена, таковы: 1. право каждаго на землю, 2. Общинное владѣніе ею, 3. Мірское управленіе. «На этихъ началахъ, и *только на нихъ* можетъ развиться будущая Русь».

Главное и первое зло въ русской жизни Герценъ, какъ и его современные единомышленники, видѣлъ въ крѣпостномъ правѣ. Освобожденіе крестьянъ и онъ считалъ первой очередной задачей. Но уже изъ приведенныхъ его мыслей видно, что онъ не могъ ограничиться требованіемъ простого освобожденія крестьянъ. «Часть дворянъ лучше не проситъ, какъ освободить мужиковъ, оставя за собою землю. Что-же было бы изъ такого освобожденія?.. Помѣщики заключили-бы между собою оборонительный союзъ, установили-бы цѣны противъ крестьянъ. Полиція была-бы на ихъ сторонѣ. Общинное начало было-бы поражено на смерть у вновь освобожденныхъ»... «Уничтожая общину, вы отдаете русскій народъ, связанный по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи»... Поэтому-то, проповѣдуя въ своихъ изданіяхъ уничтоженіе крѣпостного права, Герценъ настаивалъ надѣленіи крестьянъ землею, на сохраненіи общины и упроченіи сельскаго самоуправленія.

Когда Герценъ узналъ о смерти упорнаго крѣпостника царя Николая 1-го и о воцареніи Александра 2-го, онъ, несмотря на все свое предубѣжденіе противъ царской власти, обратился въ молодому царю съ слѣдующимъ увѣщаніемъ: «Дайте землю крестьянамъ! Она и такъ имъ принадлежитъ. Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостного состоянія, залѣчите синіе рубцы на спинѣ нашихъ братій—эти страшные слѣды презрѣнія къ человѣку. Торопитесь! Спасите крестьянина отъ будущихъ злодѣяній, спасите его отъ крови, которую онъ долженъ будетъ пролить». И видя, что царь колеблется и медлитъ, Герценъ въ первомъ номерѣ своего «Колокола» (1 іюля 1857 года) билъ въ набатъ такими словами: «Пора проснуться! Скоро будетъ поздно рѣшать вопросъ мирнымъ путемъ: мужики рѣшатъ его по своему. Рѣки крови прольются — и кто будетъ виноватъ въ этомъ? — Правительство».

Какъ извѣстно, Александръ II внялъ голосу благоразумія. «Лучше освободить крестьянъ сверху, чѣмъ дожидаться, пока они освободятъ себя сами»—проговорился онъ въ одной рѣчи къ дворянству. Начались подготовительныя работы

разныхъ комитетовъ и комиссій по освобожденію крестьянъ. Герценъ и его друзья не стали подкладывать палки въ колеса правительству въ его начинаніяхъ. Въ своемъ «Колоколѣ» они стали зорко слѣдить за этой работой, разоблачая хитрыя уловки помѣщиковъ и указывая наиболѣе выгодные для крестьянъ способы уничтоженія крѣпостнаго права. Горячо настаивалъ Герценъ на надѣленіи крестьянъ землею, на сохраненіи общиннаго владѣнія и обезпеченіи самостоятельности крестьянскаго міра.

Положеніе 19 февраля 1861 года разочаровало Герцена. Уже въ іюнѣ 1861 года его другъ Огаревъ писалъ въ «Колоколѣ» статью: «Разборъ новаго крѣпостнаго права, обнародованнаго 19 февраля 1861 г.» Здѣсь онъ между прочимъ говорилъ: «Съ горечью въ сердцѣ и глубокой печалью мы должны сознаться, что, кромѣ дозволенія крестьянамъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика, что и безъ того дѣлалось въ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики не жили, личныхъ правъ для крестьянъ, *вышедшихъ* изъ крѣпостной зависимости, не существуетъ, потому что они изъ крѣпостной зависимости *не вышли*. Это заглавіе *вышедшихъ—ложно*. Старое крѣпостное право замѣнено новымъ. Вообще крѣпостное право *неотмѣнено*. Народъ былъ обманутъ!»

И затѣмъ, когда до Герцена дошли вѣсти объ усмиреніи крестьянъ, пытавшихся отстоять настоящую волю, особенно о разстрѣлѣ 50 крестьянъ въ селѣ Безднѣ Казанской губерніи, онъ уже прямо взывалъ къ народному возстанію: «Времена библейскихъ гоненій настаютъ; вы знаете изъ Четьи-Миней, какія избіенія христіанъ предпринимали императоры —вы знаете, кто одержалъ верхъ. Но верхъ не приходитъ безъ вѣры, не приходитъ безъ дѣлъ. Укрѣпляйтесь духомъ и помните крикъ, съ которымъ умерли бездниинскіе мученики: Воля! Воля!»

Потерявъ вѣру въ добрыя намѣренія царя, Герценъ съ жаромъ ободрялъ начинавшуюся въ Россіи борьбу противъ правительства. Когда въ Россіи появились первые запрещенные печатные листки, Герценъ такъ привѣтствовалъ ихъ: «какъ только мысли, печатаемыя заграницей, начинаютъ осуществляться, имъ нужна родная почва, близость, вдохновенье дня. Печатайте ручными типографіями, печатайте кой-какъ, имѣйте буквъ на поллиста, чтобъ разомъ можно было спрятать отъ *долгихъ* рукъ и *короткихъ* умовъ тайной полиціи». Когда-же въ Петербургѣ и Москвѣ начались волненія студентовъ, усмиренныя военной силой, и университеты были закрыты, Герценъ обратился къ молодежи съ вопросомъ: Но куда-же вамъ дѣться,— юноши, отъ которыхъ заперли

науку?... Сказать вамъ, куда?» И самъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ: «*Въ народъ! къ народу!* — вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки, покажите, что изъ васъ выйдутъ *не подьячіе*, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго!»

И этотъ призывъ «Въ народъ!» былъ услышанъ и подхваченъ цѣлымъ поколѣніемъ русской молодежи. Этотъ призывъ сдѣлался ея боевымъ кличемъ на все послѣдующее время, на все время великой борьбы за народное дѣло.

Другимъ глашатаемъ этой борьбы и учителемъ русской молодежи въ этой борьбѣ былъ писатель *Николай Гаврилович Чернышевскій*. Это былъ могучій умъ, умѣвшій разобраться въ самыхъ темныхъ вопросахъ жизни и освѣщавшій ихъ свѣтомъ науки. Если Герценъ дѣйствовалъ своимъ горячимъ словомъ на сердце, то суровая рѣчь Чернышевскаго прочно покоряла умъ читателя соціалистическому ученію. Какъ и Герценъ, онъ былъ убѣжденнымъ *соціалистомъ* и защитникомъ общиннаго владѣнія землею.

Въ общинномъ строѣ Чернышевскій видѣлъ большое преимущество Россіи для перехода къ соціализму. Для заграничнаго крестьянина—говорилъ онъ—«мысль объ улучшеніи своего состоянія срослась съ мыслью о полной власти надъ землею, которую онъ обрабатываетъ».—«Для введенія союзнаго производства въ этихъ земляхъ надобно въ цѣломъ народѣ вселить новое убѣжденіе, и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтобы оно взяло верхъ надъ обычаями и привычками, надобно путемъ разумнаго убѣжденія перевоспитать цѣлые народы». — Русскій-же народъ «до сихъ поръ понимаетъ землю, какъ общинное достояніе, и количество земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, или пользованіе ими подъ общинною обработкой такъ велико, что масса участковъ, совершенно выдѣлившихся изъ него въ полновластную собственность отдѣльныхъ лицъ, по сравненію съ нимъ, незначительна. Порядокъ дѣлъ, къ которому столь долгимъ и труднымъ путемъ стремится теперь Западъ, еще существуетъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта». — «Мы видѣли, — говоритъ Чернышевскій далѣе — какія печальныя слѣдствія породила на Западѣ утрата общинной поземельной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату. Примѣръ Запада не долженъ быть утерянъ для насъ».

Поэтому, когда начались подготовительныя работы по отмѣнѣ крѣпостнаго права, Чернышевскій со всей силой своего убѣжденія старался въ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ журналѣ «Современникъ», настоять: во-первыхъ, на пре-

доставленія крестьянамъ въ надѣлъ всѣхъ земель, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ; во-вторыхъ, на немедленномъ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ при содѣйствіи государства и безъ отягощенія крестьянъ непосильными платежами, и, въ третьихъ, на сохраненіи общиннаго пользованія крестьянскими землями. Съ февраля 1858 года и по октябрь 1859 года въ «Современникѣ» печатался рядъ статей Чернышевскаго и его друзей. Въ этихъ статьяхъ подробно и доказательно отстаивались три указанныя нами положенія и разбирались работы правительственныхъ комитетовъ. Затѣмъ Чернышевскій и его друзья перестаютъ писать о подготовительныхъ работахъ правительства. Молчаніемъ встрѣтили они и обнародованіе «Положенія 19 февраля». Чернышевскій еще раньше, чѣмъ Герценъ, разувѣрился въ способности правительства улучшить положеніе народа. Онъ понялъ, что совѣтами тутъ дѣлу не поможешь. И вотъ почему: „Крѣпостное право — писалъ онъ — было создано и распространяемо властью; всегдашнимъ правиломъ власти было опираться на дворянство, которое и образовывалось у насъ не само собою и не въ борьбѣ съ властью, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, а покровительствомъ со стороны власти, добровольно дававшей ему привилегіи (льготы и вольности). Теперь власть „принималась за отмѣненіе той изъ установленныхъ ею самой привилегій, которою наиболѣе дорожило дворянство — то есть крѣпостного права. — Изъ этого разнорѣчія сущности предпринимаемаго дѣла съ качествами выполнителей (то есть правительства), должно было произойти то, что дѣло будетъ исполнено неудовлетворительно: источникомъ неизбѣжной неудовлетворительности былъ привычный произвольный способъ веденія дѣла. Власть не замѣчала того, что берется за дѣло, не ею придуманное, и хотѣла остаться полною хозяйкой его веденія. А при такомъ способѣ веденія дѣла оно должно было совершаться подъ вліяніемъ двухъ основныхъ привычекъ власти: первая привычка состояла въ чиновничьемъ характерѣ дѣйствій, вторая — въ пристрастіи къ дворянству. Дѣло было начато съ желаніемъ требовать какъ можно менѣе пожертвованій отъ дворянства. А чиновничество по самой сущности своей болѣе всего занимается внѣшностью. Потому и результатъ оказался такой, что измѣнена была лишь внѣшность отношеній между помѣщиками и крестьянами, съ очень малымъ, почти незамѣтнымъ измѣненіемъ существа прежнихъ отношеній“. — Поэтому Чернышевскій съ конца 1859 года перестаетъ писать о работахъ правительства по освобожденію крестьянъ.

Лишь въ 1862 году пробуетъ онъ снова возвысить свой голосъ по крестьянскому дѣлу. Онъ видѣлъ, что „Положеніе 19 февраля" не выводило Россію изъ того тупика, въ который завело ее царское правительство. Для счастья русскаго народа необходимо было не одно только освобожденіе отъ крѣпостного права, но и освобожденіе отъ царскаго правительства. Только самъ народъ могъ-бы устроить свою судьбу. И также, какъ и Герценъ, Чернышевскій устремляетъ всѣ свои надежды на народъ, на борьбу самого народа за свое дѣло. Подъ вліяніемъ проповѣди Чернышевскаго возникаютъ тайные кружки, которые стремятся поднять народъ на борьбу... Правительство зорко смотрѣло за дѣятельностью Чернышевскаго, въ немъ видѣло оно самаго опаснаго врага своего и потому оно воспользовалось первымъ-же доносомъ на Чернышевскаго: — онъ былъ арестованъ, судимъ и осужденъ на каторгу, гдѣ и пробылъ до 1883 года. Главнымъ обвиненіемъ противъ Чернышевскаго было выставлено составленіе воззванія «*Къ барскимъ крестьянамъ*». На судѣ не было установлено, дѣйствительно-ли воззваніе это написано имъ, но мысли, высказаныя въ немъ, совершенно совпадали съ тѣмъ, что вообще проповѣдывалъ Чернышевскій.

Въ немъ говорится, что государь обманулъ крестьянъ, и что на основаніи «Положенія» они будутъ еще въ большей кабалѣ, чѣмъ были доселѣ, и окончательно разорятся. «Не къ волѣ, а къ тому дѣло идетъ, что въ вѣчную кабалу васъ помѣщики взяли, да еще въ такую кабалу, которая гораздо хуже нынѣшней!» Затѣмъ объясняется, въ чемъ именно состоитъ воля, приводится въ примѣръ Франція, Англія, гдѣ всѣмъ управляетъ народъ и гдѣ цари находятся подъ властью народа, который выбираетъ и смѣняетъ царей, если они не нравятся ему. Въ заключеніи барскіе крестьяне приглашаются «сговориться добывать себѣ волю втайнѣ, подговаривать къ тому-же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и солдатъ». Воззваніе настойчиво предостерегаетъ отъ преждевременныхъ единичныхъ выступленій и вспышекъ. «Ждите сигнала, который дадутъ ваши друзья, отовсюду имѣющіе свѣдѣнія черезъ своихъ людей. Когда вездѣ народъ будетъ готовъ, тогда поднимайтесь сразу, а до тѣхъ поръ не показывайте и виду, что у васъ идетъ подготовка».

Воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ» было захвачено въ рукописи и не получило распространенія. Но уже въ сентябрѣ 1861 года въ Петербургѣ было напечатано безъ позволенія властей и распространено другое воззваніе: «*Къ*

молодому поколѣнію». Это воззваніе было составлено другомъ Чернышевскаго, писавшимъ въ журналѣ «Современникъ» поэтомъ *Михаиломъ Илларіоновичемъ Михайловымъ*. Въ этомъ воззваніи прямо говорится, что «государь обманулъ ожиданія народа — далъ ему волю не настоящую, не ту, о которой народъ мечталъ и какая ему нужна». — Устройствомъ «комиссій, составлявшихъ и разсматривавшихъ „Положеніе", государь показалъ полнѣйшее презрѣніе ко всему народу и къ лучшей, то-есть къ образованнѣйшей, честнѣйшей и способнѣйшей части руусскаго общества — къ народной партіи: все дѣло велось въ глубочайшемъ секретѣ, вопросъ разрѣшался государемъ и помѣщиками, никто изъ народа не принималъ участія въ работѣ, журналистика не смѣла пикнуть — царь давалъ народу волю, какъ милость, какъ бросаютъ сердящемуся псу сухую кость, чтобы его успокоить на время и спасти свои икры. Все это не можетъ и не должно быть прощено правительству". — „Если они не оправдываютъ надеждъ народа — долой ихъ!" — „Намъ нуженъ не царь, не императоръ, не помазанникъ божій, не горностаевая мантія, прикрывающая наслѣдственную неспособность; мы хотимъ имѣть главой простого смертнаго, человѣка земли, понимающаго жизнь и народъ, его избравшій". Перечисливъ далѣе необходимыя преобразованія въ государственномъ и гражданскомъ строѣ Россіи, Михайловъ такъ опредѣляетъ свое отношеніе къ землѣ и общинѣ: „Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, какъ продаютъ картофель и капусту; чтобы каждый гражданинъ, кто-бы онъ ни былъ, могъ сдѣлаться членомъ земледѣльческой общины, то-есть или приписаться къ общинѣ существующей, или нѣсколько гражданъ могли-бы составить новую общину. Мы хотимъ сохраненія общиннаго владѣнія землею, съ передѣлами черезъ большіе сроки". — „Мы хотѣли-бы, чтобы дѣло не доходило до насильственнаго переворота. Но если нельзя иначе, мы не только не отказываемся отъ него, но мы зовемъ охотно революцію на помощь народу".

Михайловъ, въ полномъ согласіи съ Герценомъ и Чернышевскимъ, видѣлъ главную силу въ самомъ народѣ и главный смыслъ революціи въ разрѣшеніи *земельнаго вопроса*. Но наряду съ этими *соціалистами* и *революціонерами* существовали люди, также недовольные правительствомъ, но возлагавшіе свои надежды на образованное общество и на политическое освобожденіе Россіи. Они выпускали листки подъ

заглавіемъ „Великороссъ“. Михайловъ отвѣчалъ имъ въ Герценовскомъ „Колоколѣ“ (въ № 107 отъ 15 Сентября 1861 г.): „Надо обращаться не къ „обществу“, а къ народу“. „Надо, чтобы меньшинство соединилось съ народомъ, стало въ его ряды, открыло ему всѣ преступленія правительства и внушило правую ненависть“. И на вопросъ, къ чему стремиться этому союзу меньшинства съ народомъ,—къ конституціи или чему иному? Михайловъ отвѣчалъ: „Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогатъ мѣшать имъ *теперь*“. — „Конституція лучше самодержавія тѣмъ, что при ней будетъ больше простора для дѣйствія, если она принесетъ право собранія и свободу печати» ... «Мы знаемъ, что не она (конституція) цѣль и послѣднее слово. Наша цѣль — полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться, самимъ собою освобожденіе и свободный сюзъ областей». — 14 декабря 1861 года Михайловъ былъ осужденъ на шесть лѣтъ каторжныхъ работъ. Онъ умеръ каторгѣ 15 сентября 1865 года.

Въ 1863 году цѣлый рядъ тайныхъ революціонныхъ кружковъ объединился въ одно большое общество, назвавшееся обществомъ «Земля и Воля». Оно хотѣло уничтожить существующее правительство и созвать Народное Собраніе «для того, чтобы народъ самъ, собранный въ лицѣ своихъ избранныхъ представителей, поставилъ главныя основы для своего новаго быта». Общество «Земля и Воля» хотѣло начать съ тайныхъ кружковъ среди образованныхъ людей; изъ этихъ-то кружковъ должна была выpости впослѣдствіи и широкая ***Народная Организація вооруженныхъ борцовъ***. Общество «Земля и Воля» напечатало нѣсколько листковъ и воззваній. Въ немъ участвовало много офицеровъ. Когда началось усмиреніе польскаго возстанія, эти офицера не захотѣли принимать участія въ отнятіи свободы у польскаго народа. Нѣкоторые изъ нихъ застрѣлились, другіе были разстрѣляны за то, что подали въ отставку, не желая сражаться съ поляками, которые защищали свою свободу, наконецъ, третьи прямо перешли въ ряды польскихъ повстанцевъ и погибли, сражаясь за свободу польскаго и русскаго народа. Общество «Земля и Воля», вслѣдствіе преслѣдованій правительства, скоро уничтожилось.

Мы видѣли выше, что лучшіе русскіе люди смотрѣли на Александра Второго, какъ на дворянскаго царя, обманувшаго народъ обманною волей. Немудрено поэтому, что среди этихъ людей нашлись такіе, которые рѣшили, что нужно убить лицемѣрнаго царя. Такимъ рѣшительнымъ человѣ-

комъ и былъ Дмитрій Каракозовъ, стрѣлявшій въ Александра 2-го 4 апрѣля 1866 года. Каракозовъ промахнулся и былъ схваченъ.—„Почему ты стрѣлялъ въ меня?"—говорятъ, спросилъ его царь.—„Потому что ты обѣщалъ народу землю, да не далъ!"—отвѣчалъ спокойно Каракозовъ. Каракозовъ былъ казненъ.

Но царское правительство не ограничилось этою казнью и обрушилось страшными преслѣдованіями на образованныхъ людей и учащуюся молодежь. Сотни людей были посажены въ тюрьмы и разосланы въ ссылку. Но разъ начавшееся движеніе не могло остановиться. Отъ словъ начали переходить къ дѣлу. Возникали все новые и новые тайные кружки, печатавшие и распространявшие запретные листки и книжки. Новое евангеліе соціализма и революціи пускало свои корни все шире и глубже...

Мы уже видѣли, какъ понимали это евангеліе Герценъ, Чернышевскій и ихъ друзья. Еще большую рѣзкость и горячность внесъ въ это новое евангеліе ***Михаилъ Александровичъ Бакунинъ***. Такъ же, какъ и Герценъ, Бакунинъ былъ русскій дворянинъ и еще ранѣе Герцена покинулъ Россію. Заграницей онъ цѣликомъ вошелъ въ тамошнее революціонное движеніе и принималъ участіе, какъ вожакъ, въ возстаніи нѣмецкаго народа 1848 года. Послѣ неудачи этого возстанія Бакунинъ былъ арестованъ австрійскимъ правительствомъ и осужденъ на ***вѣчную тюрьму***. Но Николай I потребовалъ его выдачи и Бакунинъ попалъ сначала въ Петропавловскую, а затѣмъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и томился до 1857 года. Въ этомъ году Александръ 2-й отправилъ его въ ссылку на житье въ Восточную Сибирь. Восемь лѣтъ крѣпости и четыре года ссылки не убили духа жива въ Бакунинѣ и въ концѣ 1861 года онъ снова бѣжалъ заграницу. Здѣсь онъ опять становится во главѣ борцовъ за народное дѣло всѣхъ народовъ. Но, разумѣется, русскій народъ составляетъ главный предметъ его мыслей и проповѣди.

Бакунинъ твердо вѣрилъ, что народы „могутъ освободиться только собственнымъ усиліемъ своимъ, ***посредствомъ соціальной революціи***". Какова-же цѣль этой революціи? Цѣль ея, по мысли Бакунина, опредѣляется ***сознаніемъ*** самого народа, и онъ такъ поясняетъ главныя черты этого сознанія русскаго народа:

„Первая и главная черта, это — всенародное убѣжденіе, что земля, вся земля, принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и оплодотворяющему ее собственноручнымъ трудомъ. Вторая, столь-же крупная черта—что право на пользованіе ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ, міру,

раздѣляющему ее временно между лицами. Третья черта, одинаковой важности съ предыдущими, это... общинное самое управленіе и вслѣдствіе того рѣшительно враждебное отношеніе общины къ государству".—Итакъ, что-же нужно народу? — *Народу нужна земля и воля!* Больше ничего. Но посмотримъ, — говорилъ дальше Бакунинъ, — что заключается въ этихъ словахъ. Народу нужна земля, *вся земля;* значитъ надо разорить, ограбить и уничтожить дворянство, и теперь уже не одно только дворянство, но и ту довольно значительную часть купечества и кулаковъ изъ народа, которые, пользуясь новыми льготами, въ свою очередь стали помѣщиками, столь-же ненавистными и чуть-ли еще не болѣе притѣснительными для народа, чѣмъ помѣщики стародавніе. Народу нужна *воля, настоящая* полная воля; значитъ надо уничтожить чиновничество и все войско. Значитъ надо уничтожить государство, а безъ государства и государь не возможенъ"... Какъ-же достигнуть этой цѣли? Единственно разумный путь къ цѣли, по мысли Бакунина, это—путь *„боевой, бунтовской"*. — „Въ него мы вѣримъ и только отъ него ждемъ спасенія. Народъ нашъ явнымъ образомъ нуждается помощи. Онъ находится въ такомъ отчаянномъ положеніи, что ничего не стоитъ поднять любую деревню. Но, хотя и всякій бунтъ, какъ-бы неудаченъ онъ ни былъ, всегда полезенъ, однако частныхъ вспышекъ недостаточно. Надо поднять всѣ деревни. Что это возможно, доказываютъ намъ въ громадныя движенія народныя подъ предводительствомъ Стеньки Разина и Пугачева. Эти движенія доказываютъ намъ, что въ сознаніи нашего народа живетъ дѣйствительно идеалъ (сознанная цѣль), къ осуществленію котораго онъ стремится, а изъ неудачъ ихъ мы заключаемъ, что въ томъ идеалѣ есть существенные недостатки, которые мѣстами и мѣшаютъ успѣху." Изъ этихъ недостатковъ главные, по мнѣнію Бакунина —богопочитаніе царя, замкнутость общинъ, уединеніе и разъединеніе крестьянскихъ мѣстныхъ міровъ. Противъ этихъ-то недостатковъ и должна быть направлена революціонная проповѣдь, которую должна нести въ народъ русская образованная молодежь. Но для того, чтобы эта проповѣдь была услышана народомъ, для того, чтобы народъ ей повѣрилъ, надо, чтобы молодежь сама шла въ народъ.

„Русскій народъ только тогда признаетъ нашу образованную молодежь *своею* молодежью, — говорилъ Бакунинъ — когда онъ встрѣтится съ нею въ своей жизни, въ своей бѣдѣ, въ своемъ дѣлѣ, въ своемъ отчаянномъ бунтѣ. Надо, чтобы она присутствовала отнынѣ не какъ свидѣтельница, но какъ дѣятельная и передовая, себя на гибель обрекшая

соучастница, повсюду и всегда, во всѣхъ народныхъ волненіяхъ и бунтахъ, какъ крупныхъ, такъ и самыхъ мелкихъ. Надо, чтобы, дѣйствуя сама по строго обдуманному и положенному плану, и подвергая въ этомъ отношеніи всѣ свои дѣйствія самой строгой дисциплинѣ, для того, чтобы создать то единодушіе, безъ котораго не можетъ быть побѣды, она сама воспиталась и воспитала народъ не только къ отчаянному сопротивленію, но также и смѣлому нападенію".

Другимъ учителемъ русской молодежи того времени былъ *Петръ Лавровичъ Лавровъ,* бывшій профессоръ артиллерійской академіи въ Петербургѣ. Въ 1866 году по подозрѣнію въ участіи въ обществѣ „Земля и Воля" онъ былъ арестованъ и высланъ въ Вологодскую губернію, откуда и бѣжалъ заграницу въ 1870 году. Здѣсь съ 1872 года онъ сталъ издавать свой журналъ „Впередъ". Такъ-же, какъ и Бакунинъ, Лавровъ полагалъ, что „почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго населенія, есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ". Такъ-же, какъ и Бакунинъ, онъ полагалъ, „что перестройка русскаго общества должна быть совершена не только *съ цѣлью* народнаго блага, не только для народа, но и *посредствомъ* народа", Но въ отличіе отъ Бакунина, Лавровъ не считалъ народъ *уже* готовымъ къ этому перевороту и потому не совѣтывалъ призывать народъ къ немедленному возстанію. „Лишь тогда, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само минуту переворота и готовность къ нему русскаго народа,—говорилъ онъ — можно считать себя *въ правѣ* призвать народъ къ осуществленію этого переворота". — „Готовьтесь къ этой минутѣ умственнымъ развитіемъ, умственнымъ опытомъ, выработкою въ себѣ твердаго характера"—совѣтовалъ Лавровъ молодежи. „Готовьте къ этой минутѣ народъ русскій, уясняя ему его истинныя потребности, его вѣчныя права, его грозныя обязанности, его могучую силу. А затѣмъ, когда минута настанетъ, идите съ народомъ на завоеваніе этихъ правъ, на исполненіе этихъ обязанностей, на развитіе этой силы. Идите впередъ, чего-бы это ни стоило вамъ, чего-бы это ни стоило народу. Какова-бы ни была цѣна этого будущаго, оно должно быть завоевано".

Какъ мы видимъ, несмотря на разницу во взглядѣ на то, *какъ говорить съ народомъ*, — призывать-ли его къ немедленному возстанію, или только подготовлять его мысль къ необходимости такого возстанія — и Бакунинъ, и Лавровъ, сходились на томъ, что образованная молодежь *должна идти въ народъ*.

И дѣйствительно, разбуженная проповѣдью новыхъ апостоловъ образованная молодежь откликнулась на призывъ. Въ началѣ 1870-хъ годовъ сотни молодыхъ людей бросали университеты и другія школы, учились разнымъ мастерствамъ, поступали на фабрики простыми рабочими, переодѣвались въ крестьянское платье и странствовали по деревнямъ. Началось такъ называемое „*хожденіе въ народъ*". Что проповѣдывали народу шедшіе къ нему, мы знаемъ изъ предыдущаго изложенія мыслей Герцена, Чернышевскаго, Михайлова, Бакунина и Лаврова. Люди, раздѣлявшіе эти мысли, получили названіе ***народниковъ***. Царское правительство не могло не встревожиться хожденіемъ въ народъ. Были подняты на ноги вся полиція и жандармерія. Проповѣдниковъ новаго евангелія хватали, сажали въ тюрьмы, осуждали въ ссылку и на каторгу. Количество осужденныхъ за простую проповѣдь соціализма надо считать сотнями. Такъ, по одному лишь дѣлу о пропагандѣ на фабрикахъ и заводахъ судилось разомъ 50 человѣкъ, по другому — о революціонной пропагандѣ въ 34 губерніяхъ судилось 193 человѣка. Еще большее количество сидѣло по тюрьмамъ и отправлялось въ ссылку безъ всякаго суда.

Преслѣдованія правительства заставили соціалистовъ сплотиться тѣснѣе и отъ разрозненныхъ попытокъ проповѣдничества среди народа перейти къ устройству тайныхъ обществъ съ цѣлью „созданія боевой народной революціонной организаціи, для осуществленія народно-революціоннаго переворота". Такимъ тайнымъ обществомъ и была организація, составившаяся въ 1876 году и назвавшаяся снова „Земля и Воля", ибо, по мысли и этой организаціи, боевымъ кличемъ народнаго переворота должно было быть исконное требованіе народа: ***Земли и Воли!*** „***Земли*** — какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и ***Воли*** — какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами" — такъ писалось въ тайной газетѣ этого общества, выходившей подъ названіемъ также „Земля и Воля".

Преслѣдованія правительства, жестокости, которымъ подвергались арестованные народники въ тюрьмахъ, заставили русскихъ революціонеровъ прибѣгнуть къ самооборонѣ. Сначала на югѣ Россіи — въ Кіевѣ и Одессѣ — появились кружки соціалистовъ, которые ставили своей задачей вооруженный отпоръ и нападеніе на полицейскихъ и жандармовъ. Было убито нѣсколько шпіоновъ и жандармовъ. При арестахъ соціалисты начали отбиваться — оказывать вооруженное сопротивленіе; стали отбивать арестованныхъ товарищей и устраивать имъ побѣги изъ тюремъ. Прави-

тельство отвѣчало на это висѣлицами и растрѣлами. Больше того: петербургскій градоначальникъ Ѳедоръ Треповъ — отецъ Дмитрія Трепова, расправившагося съ народомъ въ 1905—1906 году, — приказалъ высѣчь одного изъ политическихъ заключенныхъ въ Петербургской тюрьмѣ. 24 января 1878 года къ Трепову явилась молодая дѣвушка Вѣра Засуличъ и ранила его выстрѣломъ изъ револьвера. Засуличъ судилась судомъ присяжныхъ и была оправдана при всеобщемъ ликованіи.

Это былъ первый выстрѣлъ, направленный со стороны революціонеровъ противъ высшаго царскаго сановника въ оплату за преслѣдованія народниковъ. За этимъ выстрѣломъ послѣдовали другіе: 23 февраля произведено было покушеніе на прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ; 25 мая тамъ-же былъ убитъ жандармскій капитанъ Гейкингъ и, наконецъ, 4 августа въ Петербургѣ подъ ударомъ кинжала падаетъ ближайшій, наперсникъ Александра 2-го — шефъ, то-есть главный начальникъ жандармовъ — генералъ Мезенцевъ. Такъ отъ обороны народники переходили въ нападеніе.

При обществѣ „Земля и Воля“ образуется особая дружина, которая ставитъ своей особенной задачей расправу съ наиболѣе ретивыми царскими приспѣшниками. Но борьба съ царскими холопами невольно наталкивала революціонеровъ на мысль о сведеніи счетовъ съ самимъ ихъ господиномъ, съ царемъ, именемъ котораго и по приказу котораго дѣйствовали лихіе опричники. Само общество „Земля и Воля“ не рѣшилось взять на себя починъ въ прямой борьбѣ съ личностью царя. Но среди его членовъ вскорѣ нашлись люди, рѣшившіеся пойти на это дѣло за свой рискъ и страхъ. 2-го апрѣля 1879 года Александръ Соловьевъ стрѣлялъ въ Александра 2-го. Царь остался невредимымъ, Соловьевъ былъ схваченъ и казненъ. Выстрѣлъ Соловьева еще болѣе обострилъ среди народниковъ споры о томъ, какъ вести борьбу. Между ними намѣтилось два мнѣнія: одни по прежнему говорили, что слѣдуетъ продолжать свои попытки поднять народное возстаніе путемъ соціалистической проповѣди, другіе-же утверждали, что пока правительственная власть находится въ рукахъ царя и его приспѣшниковъ, соціалисты не смогутъ поднять всенароднаго возстанія. Пока не будетъ уничтожено царское самодержавіе, проповѣдывать народу возстаніе значитъ „биться, какъ рыба объ ледъ“. Только когда соціалисты будутъ имѣть возможность свободно проповѣдывать народу свое евангеліе, только тогда можно будетъ поднять народъ на борьбу за землю и волю. Теперь-же, при народной темнотѣ, царскіе чиновники

вмѣстѣ съ попами морочатъ крестьянскія головы и выдаютъ соціалистовъ за народныхъ враговъ, желающихъ вернуть крѣпостное право. Еще прежде, чѣмъ соціалистъ успѣетъ втолковать крестьянину, въ чемъ суть соціализма, какъ царская полиція уже сажаетъ проповѣдника въ тюрьму и ссылаетъ на каторгу. Поэтому соціалисты должны прежде всего отнять власть у царя и его чиновниковъ и передать эту власть всему народу, такъ чтобы весь народъ могъ свободно высказывать свою волю и распоряжаться самъ своею судьбою. Какимъ-же путемъ можно было-бы добиться этого безъ всенароднаго возстанія? Рядъ вооруженныхъ сопротивленій, оказанныхъ соціалистами, рядъ покушеній, устроенныхъ ими на царскихъ слугъ и на него самого, показалъ народникамъ, что и немногіе смѣлые люди могутъ быть страшны правительству, могутъ нагнать на него страхъ и ужасъ. Покушенія 1878-79 года показали соціалистамъ, что смѣлое нападеніе на начальственныхъ лицъ привлекаетъ на сторону борцовъ сердца лучшихъ и честныхъ людей Россіи. Примѣръ сопротивленія злодѣямъ дѣйствовалъ лучше самой краснорѣчивой проповѣди и къ соціалистамъ стали притекать и люди и средства. Соціалисты убѣдились въ полной возможности создать заговоръ изъ немногочисленныхъ, но вѣрныхъ и смѣлыхъ людей, которые неустанно и неуклонно производили-бы нападенія на царя и его ближайшихъ слугъ, не давая имъ ни отдыху, ни сроку.

Для того, чтобы рѣшить, какъ-же дѣйствовать дальше, члены общества «Земля и Воля» лѣтомъ 1879 года собрались на съѣздъ въ городѣ Воронежѣ. Здѣсь послѣ долгихъ и горячихъ споровъ они раздѣлились на двѣ части и образовали два новыхъ общества, которыя потомъ получили названія «Черный передѣлъ» и партія «Народной Воли». Чернопередѣльцы оставались при старомъ мнѣніи: нужно стараться путемъ соціалистической проповѣди поднять всенародное возстаніе. Народовольцы-же рѣшили въ первую голову отнять власть у царскаго правительства путемъ прямого нападенія на него съ тѣми силами, какія есть сейчасъ въ наличности у соціалистовъ. Они образовали свой Исполнительный Комитетъ, который такъ опредѣлялъ свои задачи:

„Какъ соціалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей — снять съ народа подавляющій его гнетъ современнаго государства, произвести политическій переворотъ съ цѣлью передачи власти народу. Этимъ переворотомъ мы достигнемъ: во-первыхъ, что развитіе народа отнынѣ будетъ идти самостоятельно, согласно его

собственной волѣ и наклонностямъ; во-вторыхъ, того, что въ нашей русской жизни будутъ признаны и поддержаны многіе чисто соціалистическіе принципы (начала), общіе намъ и народу". Будучи народниками-соціалистами, народовольцы вѣрили, что въ народѣ еще живы, хотя и всячески подавляемы эти соціалистическія начала: право народа на землю, общинное и мѣстное самоуправленіе, зачатки федеративнаго (союзно-областного) устройства, свобода совѣсти и слова. „Такимъ образомъ", говорится далѣе въ программѣ Исполнительнаго Комитета: „наша цѣль: отнять власть усуществующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію, избранному свободно, всеобщей подачей голосовъ при наказахъ отъ избирателей".

Такое Учредительное Собраніе, по мнѣнію народовольцевъ, сумѣетъ перестроить русскую жизнь въ духѣ указанныхъ соціалистическихъ началъ.

Для достиженія изложенныхъ цѣлей Партія Народной Воли предполагала вести свою дѣятельность въ слѣдующихъ отдѣлахъ:

1. Проповѣдь въ народѣ о необходимости политическаго переворота, какъ средства улучшенія общественнаго устройства въ духѣ соціалистическихъ началъ и возбужденіе народа ко всякаго рода противодѣйствію правительству.

2. *Дѣятельность разрушительная и террористическая* (то есть устрашающая). Террористическая дѣятельность, состоящая въ уничтоженіи наиболѣе вредныхъ лицъ правительства, администраціи и т. п. — имѣетъ своею цѣлью подорвать обаяніе правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы противъ правительства, поднимать такимъ образомъ революціонный духъ народа и вѣру въ успѣхъ дѣла, и наконецъ, подготовлять годныя и привычныя къ бою силы.

3. Устройство тайныхъ обществъ и сплоченіе ихъ вокругъ одного центра.

4. Пріобрѣтеніе вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ.

5. Подготовка и совершеніе переворота. Въ виду придавленности народа, въ виду того, что правительство частными усмиреніями можетъ очень надолго сдерживать общее революціонное движеніе партія должна сама взять на себя починъ самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народъ будетъ въ состояніи обойтись безъ нея.

Исполнительный Комитетъ Народной Воли сосредоточилъ свою дѣятельность преимущественно на второмъ отдѣлѣ

своей программы: на дѣятельности террористической. На одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій—26 августа 1879 года— Исполнительный Комитетъ постановилъ направить свои удары непосредственно противъ самого царя Александра 2-го. Уже 19 ноября 1879 года было произведено покушеніе на его жизнь посредствомъ взрыва царскаго поѣзда подъ Москвою, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги. Покушеніе по случайнымъ причинамъ не удалось. Въ своей прокламаціи по этому поводу Исполнительный Комитетъ писалъ: «Александръ 2-й заслуживаетъ смертной казни за всю кровь, имъ пролитую, за всѣ муки, имъ созданныя. Онъ заслуживаетъ смертной казни. Но не съ нимъ однимъ мы имѣемъ дѣло. Наша цѣль — *народная воля, народное благо. Наша задача — освободить народъ и сдѣлать его верховнымъ распорядителемъ своихъ судебъ*». Одновременно съ покушеніемъ подъ Москвой готовились подкопы подъ полотно желѣзныхъ дорогъ близъ Александровска Екатеринославск. губ., и Одессы. 5 февраля 1880 года былъ устроенъ взрывъ царской столовой въ самомъ Зимнемъ Дворцѣ. Царь спасся лишь благодаря тому, что опоздалъ къ обѣду на полчаса. По поводу этого покушенія Исполнительный Комитетъ писалъ: «объявляемъ еще разъ Александру 2-му, что эту борьбу мы будемъ вести до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ своей власти въ пользу народа, пока онъ не предоставитъ общественное переустройство всенародному учредительному собранію, составленному свободно, снабженному наказами отъ избирателей». Наконецъ, 1-го марта 1881 года смертный приговоръ Александру 2-му былъ приведенъ въ исполненіе — царь былъ убитъ метательнымъ снарядомъ среди бѣла дня, на улицѣ Петербурга. 10 марта 1881 года Исполнительный Комитетъ обратился къ новому царю—Александру 3-му съ открытымъ письмомъ, въ которомъ выяснялъ ему причины казни его отца и напоминалъ ему два «условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой». Это: «1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга. 2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями».

Мы знаемъ, что условія эти не были приняты Александромъ 3-мъ. По дѣлу о взрывѣ 1 марта были казнены Софья Перовская, Андрей Желябовъ, Николай Кибальчичъ,

Тимофей Михайловъ и Николай Рысаковъ. Бросившій смертоносную бомбу Игнатій Гриневецкій былъ убитъ взрывомъ на мѣстѣ.

Такимъ образомъ, начавъ съ мирной проповѣди народу соціалистическаго переустройства, народники перешли къ прямому нападенію на царя съ цѣлью заставить его отказаться отъ власти и передать ее народу. Народовольцы были, такимъ образомъ, первые, кто послѣ декабристовъ снова начали вести *политическую борьбу* — борьбу за предоставленіе всей политической власти народу.

Они начали эту борьбу съ тѣми силами, которыя имѣлись у тогдашнихъ соціалистовъ-народниковъ. И въ этомъ смѣломъ починѣ заключается великая заслуга Партіи Народной Воли предъ русскимъ народомъ. Правда, поразивъ на смерть царя Александра 2-го, народовольцы не уничтожили самой царской власти. Александръ 3-й не уступилъ и оказался народнымъ гонителемъ едва-ли не горшимъ, чѣмъ его отецъ. Но и самая неудача Народной Воли послужила урокомъ слѣдующимъ поколѣніямъ борцовъ за народное дѣло.

Смерть Александра 2-го нагнала ужасъ на правительство. Въ первую минуту оно уже готово было идти на уступки народу и даже созвать Земскій Соборъ. Но когда оказалось, что народъ по прежнему рабски молчитъ, что соціалисты составляютъ лишь небольшую горсточку беззавѣтно смѣлыхъ борцовъ, тогда правительство быстро оправилось и съ удвоенной свирѣпостью кинулось на революціонеровъ. Въ теченіи 1881-1885 годовъ правительству удалось уничтожить Партію Народной Воли. Народовольцы представляли собою цвѣтъ тогдашнихъ народниковъ, а потому съ ихъ гибелью борьба за народное дѣло на время заглохла и царь со своей опричиной торжествовалъ побѣду надъ врагомъ, еще болѣе угнетая честную мысль, еще сильнѣе обирая народъ, еще тѣснѣе затягивая надъ нимъ мертвую петлю гнета и произвола.

Но великій народъ не можетъ вѣчно оставаться въ рабствѣ. Изнывая отъ произвола и угнетенія, народъ всетаки продолжаетъ жить и расти. Разъ разбуженную мысль задушить нельзя. За время народническаго движенія она успѣла пустить корни на такой глубинѣ, что искоренить ее не удалось и самымъ злымъ и хитрымъ гонителямъ.

Пока царское правительство расправлялось съ остатками Народной Воли, въ Россіи подростало новое поколѣніе, съ новой вѣрой и новыми силами принявшееся за ту-же вѣко-

вую борьбу за народное дѣло. Но положеніе новыхъ борцовъ было иное, чѣмъ во времена народничества. Россія за это время сильно измѣнилась. Крестьянство, разоренное обманною волею, должно было искать себѣ заработка въ городахъ, на фабрикахъ, заводахъ, въ разныхъ промыслахъ. Города росли, росло число фабрикъ и заводовъ, росло и количество рабочихъ на нихъ. Протянулись желѣзныя дороги. Жизнь стала живѣе. Люди перестали сидѣть по своимъ селамъ и деревушкамъ. Нужда заставила колесить по всей широкой Руси. Въ новомъ поколѣніи, не знавшемъ крѣпостного права, грамотныхъ становилось все больше и больше, и они все сильнѣе и сильнѣе стали чувствовать себя людьми, равными всѣмъ другимъ. Мысль народная стала живѣе, шире и сильнѣе. Народъ сталъ больше видѣть, знать и думать. Притѣсненія начальства, обирательство хозяевъ стали чувствоваться больнѣе и непереноснѣе. Понятно, что теперь проповѣдь соціалистовъ слушалась въ народѣ охотнѣе и понималась лучше, чѣмъ въ старое время.

Старые народники со своею проповѣдью обращались главнымъ образомъ къ крестьянамъ, справедливо почитая крестьянство за главную силу народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ они много работали надъ проясненіемъ сознанія среди фабричныхъ рабочихъ. Общество «Земля и Воля» уже руководило стачками петербургскихъ рабочихъ. Въ 1870-хъ годахъ существовали даже тайные рабочіе союзы. Партія Народной Воли, несмотря на всю напряженность своей террористической борьбы, удѣляла много силъ соціалистической проповѣди среди рабочихъ. Вся эта работа не пропала даромъ. И когда революціонная борьба какъ будто замерла подъ свирѣпыми гоненіями, когда неслышны стали выстрѣлы и взрывы террористовъ, среди учащейся молодежи и рабочихъ продолжали существовать небольшіе кружки, гдѣ проповѣдывалось соціалистическое ученіе. Въ этихъ кружкахъ сохранялась та живая искра, которую зажгли въ русскомъ народѣ старые народники. Теперь къ 90-мъ годамъ съ увеличеніемъ числа рабочихъ старые ростки стали давать себя знать. Тайные рабочіе кружки множились и распространялись по разнымъ городамъ и мѣстностямъ. Число сознательныхъ рабочихъ становилось все больше и они стали пріобрѣтать все большее вліяніе на остальныхъ рабочихъ. И снова, какъ въ 60-хъ годахъ, передъ русскими соціалистами сталъ вопросъ, что-же дѣлать теперь, къ чему призывать народъ и съ какого конца начинать борьбу за народное дѣло? Какъ и въ прежнее время, на русскихъ

соціалистовъ большое вліяніе оказали соціалисты иностранные, ибо и въ другихъ государствахъ непрестанно велась борьба за народное дѣло, и тамъ неустанно работала мысль лучшихъ людей надъ тѣмъ, какъ освободиться народу отъ нужды и насилія.

Благодаря тому, что въ различныхъ странахъ Западной Европы народъ сравнительно давно добился извѣстной свободы слова, печати, собраній и союзовъ, а также значительной доли участія въ управленіи страной, соціалистическое ученіе распространилось среди рабочаго народа и насчитывало сотни тысячъ приверженцевъ, главнымъ образомъ среди промышленныхъ рабочихъ. Заграничное крестьянство, давно уже освободившееся отъ крѣпостной зависимости и владѣющее землею на правахъ частной собственности, до самаго послѣдняго времени не поддавалось вліянію соціалистовъ. Но такъ какъ количество промышленныхъ рабочихъ въ Западной Европѣ, сравнительно съ количествомъ крестьянъ, довольно велико, почти что половина на половину, то соціализмъ къ 90-мъ годамъ прошлаго столѣтія сталъ представлять изъ себя большую силу, оказывавшую нѣкоторое вліяніе на жизнь западно-европейскихъ странъ: Германіи, Франціи, Англіи и другихъ. Особенную силу и значеніе пріобрѣли нѣмецкіе соціалисты, основавшіе германскую соціалдемократическую рабочую партію. Германскіе соціалдемократы сумѣли провести много своихъ членовъ въ парламентъ и вели чрезвычайно успѣшную проповѣдь соціализма среди нѣмецкихъ рабочихъ.

Успѣхъ заграничныхъ, особенно нѣмецкихъ соціалдемократовъ сильно ободрилъ русскихъ соціалистовъ и заставилъ многихъ изъ нихъ взять себѣ за образецъ дѣятельность именно нѣмецкихъ соціалдемократовъ. Они даже стали и называть себя тоже соціалдемократами. Русскіе соціалдемократы такъ представляли себѣ положеніе Россіи. Разореніе крестьянства, уходъ крестьянъ на заработки въ городъ, ростъ фабрикъ и заводовъ, казалось имъ, должны были въ очень скоромъ времени привести Россію въ положеніе, когда, какъ и въ другихъ странахъ, число рабочихъ или пролетаріата сравняется или даже превзойдетъ число владѣющихъ землею крестьянъ и когда, такимъ образомъ, городскіе рабочіе будутъ главною силою освобожденія народа. По мнѣнію соціалдемократовъ это преобладаніе наемныхъ рабочихъ въ странѣ имѣетъ огромное значеніе для побѣды соціализма, потому что, по ихъ мнѣнію, крестьяне не могутъ сдѣлаться соціалистами или даже неспособны понять ученіе соціализма. Вѣдь согласно соціалистическому ученію,

говорили они, земля никому не должна принадлежать въ частную собственность, а должна находиться въ общемъ пользованіи всего рабочаго народа. Крестьяне-же теперь сами владѣютъ землею, а потому они не могутъ теперь согласиться съ соціалистами. Крестьяне, даже бѣдствующіе теперь, только тогда сдѣлаются соціалистами, когда они останутся совсѣмъ безъ земли, или когда они потеряютъ всякую надежду удержать въ своихъ рукахъ землю. Только тогда, когда они обратятся почти сплошь въ наемныхъ сельскихъ рабочихъ, и вся земля начнетъ скопляться въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, только тогда, по мнѣнію соціальдемократовъ, крестьяне и получатъ возможность понять ученіе соціализма. Крестьяне — говорили соціалдемократы—всегда будутъ держаться обѣими руками за свою собственность, за свой клочекъ земли, какъ-бы онъ ни былъ у нихъ малъ, и будутъ защищать право частной собственности на землю, пока эта земля не станетъ изъ ихъ рукъ переходить въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ. Поэтому соціалдемократы большія надежды возлагали на то, что въ Россіи будетъ все больше и больше возрастать число крупныхъ землевладѣлцевъ, которые будутъ скупать крестьянскія земли, а крестьяне будутъ обращаться въ наемныхъ сельскихъ батраковъ. Въ Россіи этому очень мѣшаетъ, что многія земли еще находятся въ общинномъ владѣніи крестьянскихъ обществъ, и крестьяне-общинники не могутъ продавать свои земельные участки въ частныя руки. Поэтому соціалдемократы считали необходимымъ, чтобы уничтожилась всякая помѣха для покупки и продажи земли и чтобы всѣ помѣщики и купцы могли свободно скупать крестьянскіе надѣлы. При такой свободной покупкѣ и продажѣ земли, она, по разсчету соціалдемократовъ, будетъ мало-помалу собираться въ рукахъ богатыхъ землевладѣльцевъ, а малоземельные крестьяне будутъ постепенно переходить на положеніе сельскихъ наемныхъ рабочихъ. Вотъ тогда-то— говорили соціалдемократы — эти обезземеленные крестьяне легко поймутъ ученіе соціализма и будутъ охотно вступать въ рабочую партію. До этихъ-же поръ, по мнѣнію соціалдемократовъ, имъ даже почти что безполезно проповѣдывать ученіе соціализма. Быть можетъ, нѣкоторые изъ крестьянъ и поймутъ его, но вся крестьянская масса — никогда.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что во взглядѣ на крестьянство, и особенно во взглядѣ на общину, новое поколѣніе русскихъ соціалистовъ—соціалдемократы — шло въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, до чего доработалась русская соціалистиче-

ская мысль въ лицѣ Герцена, Чернышевскаго, Бакунина, Лаврова и вообще всего *народничества*.

Такимъ образомъ, русскіе соціалдемократы всѣ свои надежды возлагали на городскихъ промышленныхъ рабочихъ. Но ихъ дѣятельность въ рабочихъ кружкахъ также отличалась отъ дѣятельности старыхъ народовольцевъ. Для тѣхъ на первой очереди стояло низверженіе самодержавія путемъ прямого нападенія на царя и правительство революціонной партіи, поддержанной народомъ. Въ ихъ проповѣди рабочимъ, наряду съ проповѣдью соціализма, стояла проповѣдь и подготовка рабочихъ къ прямой политической борьбѣ. Соціалдемократы-же думали, что рабочихъ надо сначала пріучить бороться съ хозяевами-капиталистами изъ-за заработной платы, изъ-за длины рабочаго дня, изъ-за порядковъ на фабрикѣ и т. д. И притомъ, — сначала на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ, вынуждая отдѣльныхъ хозяевъ путемъ стачекъ къ болѣе или менѣе важнымъ уступкамъ. Въ этой будничной постоянной борьбѣ рабочіе на дѣлѣ убѣдятся, насколько важны для нихъ различныя гражданскія права, какъ-то свобода собраній, печати, союзовъ, стачекъ. Каждый разъ встрѣчаясь съ закономъ, запрещающимъ рабочимъ собираться вмѣстѣ, столковываться и т. д., рабочіе поймутъ необходимость измѣненія законовъ въ свою пользу, а стало быть необходимость участія въ управленіи страной. Но на первыхъ порахъ соціалдемократы не рѣшались обращаться къ рабочимъ съ проповѣдью прямой борьбы противъ царской власти. Пусть рабочіе пройдутъ сначала ступень борьбы за улучшеніе своего хозяйственнаго положенія—эта *экономическая* борьба волей-неволей приведетъ ихъ къ сознанію необходимости и политической борьбы. Проповѣдь соціалдемократовъ нашла среди рабочихъ почву, достаточно подготовленную, какъ временемъ, такъ и работою народниковъ. Рабочее движеніе росло и ширилось, выражаясь главнымъ образомъ въ забастовкахъ. Въ 1892 году произошли кровавые безпорядки въ Юзовкѣ. Въ 1893 г. забастовки и безпорядки произошли въ Петербургѣ, Егорьевскѣ, Харьковѣ, Ростовѣ, на-Дону; въ 1894 году — въ Шуѣ, Тифлисѣ, Минскѣ и Вильнѣ; въ 1895 году —въ обѣихъ столицахъ, Иваново-Вознесенскѣ. Тейковѣ, Ярославлѣ, Самарѣ, Орлѣ. Рославлѣ, Минскѣ, Бѣлостокѣ и Вильнѣ. Наконецъ, весною 1896 года въ Петербургѣ забастовало разомъ 35.000 ткачей и затѣмъ стачечное движеніе все росло и росло. Къ этому времени въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ уже дѣйствовали и отчасти руководили стачками соціалдемократическіе «Союзы борьбы за освобожденіе рабочаго клас-

са». Въ 1898 году эти «Союзы», а также многіе другіе кружки объединились въ одну Россійскую Соціалдемократическую Рабочую Партію.

Но соціалдемократы не были въ то время единственными борцами за народное дѣло. Наряду съ соціалдемократическими кружками и союзами существовало и много кружковъ, оставшихся вѣрными старому ученію. Участники ихъ называли себя или народовольцами или просто—соціалистами-революціонерами.

Новые соціалисты-революціонеры были согласны со старыми народниками въ основныхъ началахъ своей дѣятельности. Но въ старое ученіе они понесли тѣ поправки и измѣненія, которыя требовались временемъ. Старые народники должны были ограничиваться почти что одною устною проповѣдью: устраивать тайные кружки изъ самихъ крестьянъ и изъ рабочихъ удавалось лишь съ большимъ трудомъ и въ немногихъ мѣстахъ: преслѣдованія полиціи быстро уничтожали ростки народно-революціонной организаціи. Революціонеры изъ среды образованныхъ людей были предоставлены своимъ силамъ и, какъ мы видѣли, должны были взять на себя прямую борьбу съ правительствомъ. Теперь дѣло обстояло иначе. Соціалисты-революціонеры могли всѣ свои усилія сосредоточить на работѣ въ народѣ — на организаціи рабочихъ и крестьянъ. Среди рабочихъ работа соціалистовъ-революціонеровъ отличалась отъ работы соціалдемократовъ, главнымъ образомъ тѣмъ, что они старались подчеркнуть *политическій* характеръ рабочаго движенія, сообщить ему боевой духъ, побудить рабочихъ къ открытымъ выступленіямъ и прямымъ нападеніямъ на правительство. Въ противоположность соціалдемократамъ они убѣждали передовыхъ рабочихъ поддерживать и примыкать къ революціоннымъ выступленіямъ студентовъ и другихъ образованныхъ людей противъ правительства, не дожидаясь, пока всѣ рабочіе поймутъ необходимость политической борьбы. Соціалисты-революціонеры полагали, что примѣръ передовыхъ борцовъ лучше всякой проповѣди покажетъ всѣмъ рабочимъ, какъ нужно бороться, кто врагъ народу и кто его друзья.

Но самымъ главнымъ отличіемъ соціалистовъ-революціонеровъ отъ соціалдемократовъ было признаніеми возможности и необходимости соціалистической проповѣди и организаціи среди крестьянства. Какъ и старые народники, соціалисты-революціонеры признали, что коренной вопросъ русской революціи есть вопросъ о *справедливомъ земельномъ устройствѣ*. И потому они въ своей проповѣди къ крестьянству призывали его добиваться *отобранія земель у крупныхъ*

землевладѣльцевъ и передачи всей земли — кабинетской, удѣльной и всякой другой—въ общее уравнительное пользованіе всего трудящагося населенія. Выставляя такое требованіе, соціалисты-революціонеры, въ согласіи со старыми народниками, опирались на то, что и теперь еще большая часть нашего крестьянства смотритъ на землю, какъ на *общее достояніе* всего народа, и полагаетъ, что землею должны пользоваться только тѣ, кто ее обрабатываетъ своими собственными руками. Такому взгляду крестьянъ на землю много способствуетъ сохранившееся во многихъ мѣстахъ общинное владѣніе землею. Это-же общинное владѣніе не только предохраняетъ крестьянство отъ обезземеливанія, но и можетъ облегчить переходъ всей земли въ общественное достояніе. Понятно, поэтому, что, въ отличіе отъ соціалдемократовъ и въ согласіи со старыми народниками, соціалисты-революціонеры выступали защитниками общины и видѣли въ ней одну изъ основъ для развитія соціалистическаго устройства. Поэтому, они считали, что крестьяне, будучи сами тружениками, такъ-же способны понять ученіе соціализма, какъ и городскіе рабочіе. Вотъ почему они и стремились къ тому, чтобы городскіе рабочіе и трудовое крестьянство, вмѣстѣ съ соціалистами изъ образованныхъ людей, соединились въ одну соціалистическую партію.

Вскорѣ жизнь показала, что соціалисты-революціонеры были правы, когда говорили, что нельзя возлагать всѣ свои надежды на стачки, а всю силу видѣть въ однихъ рабочихъ. Съ концомъ 90-хъ годовъ стачечное движеніе начинаетъ идти на убыль. Рабочіе начинаютъ видѣть, что пока за хозяевами стоитъ правительство съ полиціей и солдатами, стачками дѣлу не поможешь. Надо прибѣгать къ инымъ средствамъ. Надо вести нападеніе на само правительство. И въ этомъ нападеніи примѣръ рабочимъ подали студенты. Возмущенные преслѣдованіями правительства студенты начинаютъ устраивать *уличныя демонстраціи.* Они толпами выходятъ на улицу, выкидываютъ красныя знамена и громко провозглашаютъ «Долой самодержавіе!» Къ нимъ начинаютъ примыкать рабочіе. Зимою 1901—1902 года уже начинаютъ устраиваться во многихъ городахъ рабочія демонстраціи.

Наконецъ, встрепенулось и долго молчавшее крестьянство. Весною 1902 года прогремѣли крестьянскіе бунты въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ Полтавской и Харьковской губерній. Крестьяне разбирали помѣщичій хлѣбъ и требовали отобранія земли у помѣщиковъ. Съ тѣхъ поръ крестьянскіе безпорядки прокатываются волной по всей Россіи и продолжаются, то вспыхивая, то замирая, до самой революціи.

Все болѣе и болѣе становилось яснымъ, что народъ, наконецъ, «восхотѣлъ быть живымъ въ законѣ» и расправляетъ свои могучія плечи. Становилось яснымъ, что наступила пора для прямого нападенія на правительство и что цѣлью этой борьбы не могутъ быть мелкія измѣненія или уступки со стороны правительства. На знамени борьбы опять ясно вычерчивались великія слова: «Вся земля и вся воля всему народу!».

Соціалисты-революціонеры объединяются къ 1901 году въ одну Партію Соціалистовъ-Революціонеровъ и провозглашаютъ своимъ боевымъ кличемъ изреченіе: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!» Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ стремилась объединить дѣйствія интеллигенціи, городскихъ рабочихъ и крестьянъ. Мирныя городскія демонстраціи она стремилась перевести въ вооруженныя съ тѣмъ чтобы давать отпоръ полиціи и казакамъ и такимъ образомъ пріучать народъ въ дѣйствію оружіемъ. Въ крестьянствѣ она устраивала сплоченныя братства, которыя должны были подготовлять всенародное возстаніе, не растрачивая своихъ силъ въ разрозненныхъ вспышкахъ.

Наконецъ, Соціалисты-Революціонеры начинаютъ примѣнять еще одно могучее средство борьбы за народное дѣло. Это средство—политическій терроръ — они унаслѣдовали отъ старыхъ борцовъ. Но теперь оно пріобрѣло нѣсколько иное значеніе. Въ свое время террористы Народной Воли были единственными борцами противъ царскаго правительства. Теперь-же террористическіе удары Соціалистовъ-Революціонеровъ чередовались или совпадали съ цѣлымъ рядомъ другихъ проявленій уже общенародной борьбы: забастовками, демонстраціями, наконецъ возстаніями. Вслѣдъ за студенческими и рабочими демонстраціями 1901 года былъ убитъ министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ; за усмиренія рабочихъ и крестьянъ былъ убитъ 2-го апрѣля 1902 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ, а лѣтомъ раненъ харьковскій губернаторъ князь Оболенскій. Послѣ разстрѣла сотенъ рабочихъ въ Златоустѣ 6 мая 1903 г. убитъ уфимскій губернаторъ Богдановичъ и, наконецъ, 15 іюля 1904 года былъ убитъ лютый временщикъ министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве.

Въ 1915 году, какъ извѣстно, правительство вынуждено было уступить всеусиливавшемуся напору революціи и издало 17 окт. свой «манифестъ о свободахъ», въ которомъ была объявлена неприкосновенность личности, свобода слова, печати, союзовъ и собраній и объявлена была частичная амнистія для политическихъ—кромѣ тѣхъ революціонеровъ, которые уча-

ствовали въ террористической борьбѣ. Въ 1906 году созвана была Государственная Дума, въ которую населенiе по очень сложному и запутанному способу могло послать своихъ депутатовъ Но все это были уступки вынужденiя, которыя правительство сдѣлало въ минуту растерянности, уступивъ народному движенiю. Очень скоро правительство снова собрало свои силы, нарушило всѣ обѣщанiя, торжественно данныя Николаемъ II народу въ манифестѣ 17 октября, разогнало Государственную Думу, начало судить революцiонеровъ скорыми военно-полевыми судами, которые неизмѣнно приговаривали всѣхъ къ повѣшенiю.

Въ послѣдовавшее десятилѣтiе правительство не только отобрало у народа все то, что ему обѣщало въ 1906 году, но поставило трудовой народъ въ еще болѣе тяжелое положенiе, чѣмъ онъ былъ раньше. Крестьянство политикой правительства было разорено, у рабочихъ разрушены были всѣ ихъ организацiи, честная печать была задушена, многiя тысячи революцiонеровъ были разстрѣлены, повѣшены, отправлены на каторгу, въ тюрьмы и въ ссылку. Губя лучшiя силы страны, разрушая государство, неспособное къ управленiю, правительство оберегало лишь свои собственные интересы и интересы той кучки дворянъ, помѣщиковъ и промышленниковъ, которые къ нему прилѣпились. Поэтому, когда въ 1914 году началась европейская война, бездарная и корыстная власть не сумѣла повести войну такъ, какъ этого требовали интересы народа. Благодаря этому правительству Россiя проигрывала одно сраженiе за другимъ, а русскiя войска, оставленныя благодаря преступному начальству безъ снаряженiя, голодныя и разутыя вынуждены были, подъ натискомъ непрiятеля, отступать вглубь Россiи все дальше и дальше. Неспособное вести войну, правительство оказалось неспособнымъ и управлять за время войны страною. Вся жизнь страны распалась—торговля и промышленность разстроились, желѣзныя дороги перестали дѣйствовать правильно, населенiе крупныхъ городовъ стало недоѣдатъ, во многихъ мѣстахъ въ Россiи обнаружился недостатокъ въ хлѣбѣ, который раньше за излишествомъ вывозимъ изъ Россiи въ другiя страны,—словомъ разстроилось все хозяйство Россiи,

Все это кончилось тѣмъ, что въ двадцатыхъ числахъ февраля рабочiе въ Петроградѣ устроили всеобщую забастовку, посланные противъ нихъ правительствомъ войска отказались въ нихъ стрѣлять и присоединились къ народу. Старая власть распалась, какъ гнилой грибъ, царь былъ свергнутъ съ престола и образовано новое революцiонное правительство, ко-

торое взяло на себя обязательство созвать всенародное Учредительное Собраніе. На этомъ Учредительномъ Собраніи народъ въ лицѣ своихъ избранниковъ и долженъ будетъ рѣшить свои судьбы, долженъ будетъ въ первую очередь разрѣшить вопросъ о Землѣ и Волѣ. Родилась новая Россія,—Россія, которая должна и будетъ принадлежать самому трудовому народу.